

Цинь Тянь была вне себя от ярости из-за слов Цзоу Фэй и закричала: Если бы не твои сладкие речи, пустая болтовня и небылицы, которыми ты мне голову заморочила, разве я попалась бы на удочку и позволила себя обмануть?

Вспоминая о том, как была неразумна и, не слушая отца, настояла на своем замужестве, Цинь Тянь сейчас не могла выразить словами, как сильно она раскаивалась.

Раз уж ты говоришь такие гадости, то знай: я тебя не заставляла. Сама же глупая, кого теперь винишь? — Цзоу Фэй поднялась, собираясь уходить.

Цинь Тянь от злости даже слова вымолвить не могла, лишь беспомощно смотрела, как Цзоу Фэй удаляется.

Лань Хай не ушел. Он вел себя так, будто приехал к родственникам: сам распоряжался, пил воду, ел фрукты и ничуть не стеснялся.

В конце концов, он гость, поэтому Тан Цзин промолчал. Цинь Тянь хоть и была недовольна, тоже ничего не сказала.

Все думали, что парень уйдет сам, но наступил вечер, а он остался и стал искать постель, чтобы устроиться на полу.

У него оказалась слишком толстая кожа. Тан Цзин не выдержал и выставил его за дверь.

В доме было несколько дочерей, как Тан Цзин мог позволить какому-то мужчине спать на полу в их доме?

На следующее утро Тан Цзин открыл дверь и обнаружил, что Лань Хай все еще там. Тот с улыбкой произнес: Дядя Тан, доброе утро!

Да чтоб тебя!

Бесстыдник!

Он старше меня, а называет дядей?

Тан Цзин всерьез хотел пнуть этого мерзавца, но, подумав, решил сдержаться.

Лань Хай, не стесняясь, вошел в дом и с энтузиазмом принялся развлекать дочь Цинь Тянь, словно ту была его собственным ребенком.

Днем Тан Цзину было лень с ним разбираться, к тому же он сам никуда не выходил: раз хочет

сидеть у них на шее — пусть сидит.

Тан Цзин коротал дни, время летело незаметно, и не успел он оглянуться, как прошел месяц.

Лань Хай по-прежнему нагло оставался в доме. Тан Цзин не мог этого вынести: он хотел избить его, но опасался, что так лишь потакнет желаниям этого негодяя.

Поразмыслив, Тан Цзин понял, что никак не может справиться с этим наглецом, и в сердцах решил увезти всю семью на прогулку в горы.

И надо же такому случиться: в горах решение нашлось само собой. Тан Цзин случайно поймал волка, чем до смерти напугал Лань Хая — тот сразу забился подальше.

Раз уж этот негодяй боится волков, Тан Цзин приручил зверя и стал использовать его для охраны дома.

Это была волчица, раненая и беременная, поэтому Тан Цзин легко ее приручил: стоило посадить на цепь, и дело в шляпе.

У Тан Цзина сейчас были деньги, и он не планировал переезжать в деревню. На одну только еду столько бы не ушло, поэтому он решил покупать для жены и дочерей питательные добавки, чтобы укрепить их здоровье и подготовить фундамент для будущего совершенствования.

Однажды рано утром Тан Цзин проснулся и почувствовал, что в его объятиях кто-то есть. Опустив взгляд, он увидел, что это малышка Бин.

— Папочка!

— Что такое?

— Я соскучилась по тебе!

— Глупенькая, мы же каждый день видимся.

— Но я все равно скучаю!

— Ладно.

Тан Цзин смотрел на малышку Бин и, видя, как она стесняется, невольно улыбался.

Е Дуо молча наблюдала за Цинь Бин, она не злилась — ей тоже очень нравилась девочка.

В доме было тесновато, поэтому после близости Тан Цзин и Е Дуо всегда одевались, так что

никаких неловких ситуаций не возникало.

— Папочка!

— М-м?

— Я скучаю по тебе!

— Папа знает.

— Папочка!

— М-м?

— А ты скучаешь по мне?

— Скучаю!

— И я по тебе.

Цинь Бин взглянула на отца, перевернулась, обняла маленькую маму Е Дуо и рассмеялась: Маленькая мама, ты такая хорошая, я тебя люблю.

— Ну что за девчонка!

Тан Цзин потер лоб, не зная, что и сказать о своей любимой дочери.

— Папочка!

Голос Цинь Хун донесся из-под кровати, а затем она, завернувшись в одеяло, выбралась наружу.

— Малышка, что с тобой не так?

Глядя на вторую дочь, Тан Цзин был в замешательстве: как она вообще оказалась под кроватью?

— Папа, со мной все в порядке!

Цинь Хун улыбнулась и тоже втиснулась на кровать.

Кровать была небольшой, Тан Цзина вытеснили на пол, и он решил просто встать.

— Эх, не умею я воспитывать детей! — вздохнул Тан Цзин. Подумав о том, что он и сам порой

ведет себя неразумно, он понял, что воспитывать детей — задача не из легких.

Редко выдалось утро, когда он встал пораньше, поэтому Тан Цзин размялся у порога, а почувствовав аппетитный запах, пошел в дом завтракать.

— Неплохой завтрак.

Пришел Е Чэнь с пустой сумкой.

— Папа!

Увидев отца, Е Дуо поспешила его встретить, ведь на Тан Цзина в этом плане рассчитывать не приходилось.

Е Чэнь не стал церемониться: раз пригласили, значит, можно есть. Сегодня была каша с нежирным мясом, Е Чэнь съел целых три миски и лишь когда окончательно наелся, с неохотой отложил ложку.

— Старик Е, что-то случилось? — спросил Тан Цзин, когда тот закончил трапезу.

— Да ничего особенного, просто рис у вас такой ароматный, хотел спросить, где ты его покупаешь? — улыбнулся Е Чэнь.

Тан Цзин сразу все понял: пришел за рисом. Он рассмеялся: Пойдем, я покажу, где купить, у меня самого как раз закончился.

— Какое совпадение? — Е Чэнь посмотрел на кадку с рисом, она была накрыта крышкой, и ему не терпелось ее открыть.

— Пойдем, купим вместе, — Тан Цзин потянул Е Чэня за собой, собираясь немедленно отправиться в путь, но тот даже не пошевелился.

— Ладно, схожу в другой раз, сегодня есть еще дела, — Е Чэнь нашел предлог и ушел.

Тан Цзин немного подумал, позвал Е Дуо и сказал: Я не знаю, какая ситуация у тебя дома. Изначально я был очень рад помогать твоим родным, но их зависимость от нас растет. Содержать твоих родителей — это мой долг, но остальных — нет. Давай сделаем так: ты отнеси им немного вещей, а если получится, пусть родители приходят обедать к нам.

К этому времени все уже освоились, родители Е Дуо еще сохраняли остатки приличия и вели себя не так нагло, но остальные родственники то и дело приходили просить денег или риса и

никогда их не возвращали. Тан Цзина это ужасно раздражало.

Е Дуо промолчала. Родственники ставили ее в неловкое положение, но, когда она жила дома, все к ней хорошо относились, поэтому она не могла просто взять и порвать с ними отношения.

Она не знала, сколько у Тан Цзина денег, и в душе очень переживала, что однажды их семья может остаться ни с чем.

Тан Цзин не хотел заикливаться на этих мелочах. Раз Е Дуо молчит, он решил выйти прогуляться и послушать истории, которые рассказывают старики.

Недавно Тан Цзин услышал еще одну любопытную историю о сокровищах! Говорили, что где-то спрятаны сотни золотых слитков — целое состояние.

Прослушав байки целый день, ночью Тан Цзин перешел к действиям.

Проанализировав рассказ, он нашел подземную реку. Только весной и летом, когда вода поднималась, река становилась полноводной, а в остальное время воды было мало, и можно было зайти внутрь. Пещера была широкой, местами до десяти метров, и высотой пять-шесть метров.

Похоже?

Тан Цзин заметил огромный валун, на глаз метра три в высоту и два в ширину, прислоненный к каменной стене. Он не выглядел так, будто его принесло течением — скорее, его кто-то притащил сюда специально.

Попробуем!

Тан Цзин сдвинул валун, чтобы проверить, нет ли за ним прохода.

Талантливо!

Никакого прохода не было, зато была выемка, промытая сильным потоком воды, и в ней отчетливо виднелись золотые слитки.

Тан Цзин не стал их пересчитывать, а просто забрал. С этим золотом он мог наконец перестать быть вольным жителем и стать полноправным домовладельцем.

Больше всего Тан Цзину требовалось расширение сферы деятельности, поэтому он заплатил деньги, повысил свой статус до домовладельца и заодно перевез семью Е Чэня в Деревню

Сяокай.

Глава деревни, Цинь Сяокай, был мужчиной средних лет, очень интеллигентным и спокойным. Под его управлением находилось десять тысяч вольных жителей и триста домовладельцев — всего около пятидесяти тысяч человек.

Помимо ста тысяч серебряных юаней за статус домовладельца, за каждого члена семьи нужно было доплатить еще по десять тысяч. Пока глава семьи жив, эти люди могли жить в деревне, но после его смерти судьбу остальных решали наследники.

Только дети главы семьи имели право наследования. После смерти владельца дома дети могли унаследовать его статус, поэтому конкуренция была очень жесткой.

За семью Е Чэня — родителей, детей и самих супругов, всего шесть человек — пришлось заплатить шестьдесят тысяч.

За семью Тан Цзина — не считая его самого, трех дочерей и двух внуков — он отдал пятьдесят тысяч юаней.

Покупка дома обошлась в сто тридцать тысяч. Итого — триста сорок тысяч серебряных юаней.

В деревне были только многоквартирные дома. Тан Цзин купил две соседние квартиры, каждая с тремя комнатами, гостиной, кухней и санузелом.

Устроившись, он устроил трех дочерей в школу, а сам с Е Дуо занялся воспитанием внуков. В деревне дети домовладельцев могли учиться — осваивать простые иероглифы и основы арифметики.

Семья Е Чэня могла подрабатывать или заниматься мелким бизнесом. У них были кое-какие сбережения, поэтому они решили торговать на улице. На открытие магазина денег не хватало, зато они могли поставить лоток за пределами деревни и продавать закуски вольным жителям.

Однажды днем Цинь Тянь привела домой парня, что очень разочаровало Тан Цзина — он даже ужинать не стал.

Дочь уже взрослая, пусть сама отвечает за свои поступки, решил он, ничего не сказав, но внутри него кипел гнев.

В последующие дни парень стал заходить каждый день, и месяц спустя они решили пожениться.

Тан Цзин не стал возражать. Старшая дочь уже была потеряна, и если ее нельзя спасти, пусть

идет своим путем!

Выкуп за невесту составил сто тысяч, приданое — двести тысяч, итого триста тысяч серебряных юаней, которые Цинь Тянь забрала с собой.

У Тан Цзина было достаточно денег, но на душе было пусто — дочь окончательно стала чужой.

Когда она выходила за того старика, она хоть принесла в дом десять юаней, а теперь не только ничего не дала, но еще и объединилась с чужаком, чтобы опустошить их семейную казну. Сердце сжималось от боли.

Ушла — и ладно!

Тан Цзин пытался успокоить себя: у него есть вторая дочка и малышка Бин, да еще послушная жена Е Дуо, он не останется один.

Однако самообман не помогал, в глубине души он все еще чувствовал острую боль.

Из трех дочерей старшая была ему как близкий друг. Цинь Тянь была первым ребенком, которого он воспитал, и такого чувства к двум другим дочерям у него не было.

Ко второй дочери, Цинь Лань, он относился прохладнее: он заботился о ней, но не так сильно.

Третья, Цинь Бин — малышка Бин — была его сокровищем, зеницей ока, самой любимой и дорогой. Их отношения были особенными, но могла ли малышка Бин заменить старшую дочь в его сердце?

Пока Тан Цзин терзался, пришел его тесть Е Чэнь. Он был с синяками под глазами, одежда порвана — жалкое зрелище.

— Что случилось?

— Побили.

— Ох!

Тан Цзин покачал головой. Ему совсем не хотелось неприятностей, он хотел лишь спокойно жить, поэтому не собирался заступаться за тестя.

Е Чэнь сел, выпил воды и произнес: Одолжи мне миллион серебряных юаней, я верну.

— Что?

Тан Цзин подскочил на месте. Ну и аппетиты у тестя! Миллион! Его семья за несколько поколений столько не заработает, чем он собирается возвращать?

Е Дуо молча стояла в стороне, опустив голову. Отец зашел слишком далеко, ей было стыдно за него.

Е Чэнь не видел в этом ничего такого: Я знаю, что у тебя есть деньги. Если сегодня не одолжишь, я не уйду.

Тан Цзин промолчал и взглянул на Е Дуо. Он пожалел — искренне пожалел.

Е Дуо была очень красива, в его глазах она стоила миллион и даже больше, но это не значило, что он должен отдавать такие деньги ее семье.

— Ты одолжишь или нет? — Е Чэнь вышел из себя, уставившись на Тан Цзина с таким видом, будто готов был драться насмерть, если тот не даст денег.

Тан Цзин не обратил на него внимания и, посмотрев на Е Дуо, холодно произнес: Уходи. Я больше не могу терпеть твою родню, они становятся все наглее. Ребенка, что у тебя в утробе, убери. Я дам тебе сто тысяч юаней, и разойдемся по-хорошему.

Если бы его не мучили тревоги, Тан Цзин мог бы рассуждать разумнее, но теперь, когда дочь ушла с этим парнем, он хотел лишь покоя.

— Нет!

Е Дуо опустилась на колени, обхватила ноги Тан Цзина и зарыдала: Не бросай меня, умоляю! У нас же будет ребенок, ради него, давай жить дальше!

<http://bllate.org/book/19302/1889167>